

Итальянский Конституционный Суд и международное право – неутешительные отношения: комментарий к решению итальянского Конституционного суда от 22 октября 2014 года (II)

*Карин Еллерс-Фрам, Гейдельберг**

** Карин Еллерс-Фрам, доктор права, является сотрудником Гейдельбергского Института Макса Планка по зарубежному публичному и международному праву.*

"*Дайджест публично права*" Гейдельбергского Института Макса Планка выражает благодарность издательству Н.П. Энгель Ферлаг (N.P. Engel Verlag) и автору за разрешение перевести и опубликовать данную статью. Оригинал статьи см. **Karin Oellers-Frahm, *Das italienische Verfassungsgericht und das Völkerrecht - eine unerfreuliche Beziehung***, в: Europäische Grundrechte Zeitschrift 1-4, 8-16 (2015).

(Продолжение, начало см. **Карин Еллерс-Фрам, *Итальянский Конституционный суд и международное право – неутешительные отношения: комментарий к решению итальянского Конституционного суда от 22 октября 2014 года (I)*** в: ДПП ИМП 2 (2018), с. 186 и далее).

Содержание:

(...)

с) Конституционность статьи 3 Закона 2013 года	2
III. Недействительность или ничтожность решения Международного Суда 2012-го года?	4
IV. Последствия для Германии в случае вынесения обвинительного решения	6

V. Новое обращение в Международный Суд?	7
VI. Заключение	10

с) Конституционность статьи 3 Закона 2013 года

Решение Конституционного суда по вопросу о конституционности ст. 3 Закона № 5 2013-го года, которая обязует национальные суды, чтобы они следовали решению Международного Суда и признавали отсутствие у них соответствующей компетенции, даже если речь идёт о военных преступлениях, продолжает в целом ту линию, которая была использована и при проверке имплементационного закона к Уставу ООН. Закон № 5 2013-го года, с одной стороны, имплементирует ратификацию Конвенцию ООН 2004-го года о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. При этом, как это обычно имеет место в Италии, ст. 1 предусматривает полномочие на ратификацию Конвенции, имплементация которой не регулируется затем более детально, а осуществляется единственно путём т.н. «предписания о применении» (*Anwendungsbefehl*), содержащегося в статье 2, которая определяет, что Конвенция обладает действием и подлежит применению в Италии (*ordine di esecuzione*). Ст. 3 Закона предусматривает, тем не менее, ещё одно положение, которое недвусмысленно касается имплементации решения Международного Суда от 2012-го года.

В частности, она гласит: «Если Международный Суд в ходе разбирательства, стороной которого является Италия, своим решением установит, что определённые действия другого государства не могут преследоваться в гражданско-правовом порядке, то суд, рассматривающий соответствующее дело или уже принявший решение о компетенции, которое ещё не вступило в законную силу, должен согласно ст. 94, абз. 1 Устава ООН *ex officio* устанавливать отсутствие компетенции, независимо от стадии рассмотрения дела (абз. 1). Вступившие в законную силу решения, которые противоречат вышеупомянутому решению Международного Суда, даже если они вынесены после решения МС, по соответствующему заявлению могут, кроме случаев, предусмотренных в ст. 395 ГПК, быть пересмотрены ввиду отсутствия гражданско-процессуальной судебной компетенции. Ст. 396 ГПК в этом отношении не имеет значения (абз. 2)».¹ По мнению Конституционного Суда, эта норма была принята, чтобы исполнять решения Международного Суда непосредственно и в полном объёме и чтобы таким образом избежать, по

¹ Перевод автора статьи.

выражению КС, «неутешительные ситуации подобные тем, которые привели к процессу перед Международным Судом».²

В этом смысле данное регулирование служит подтверждением тому, что на основании решения Международного Суда иммунитет должен предоставляться также в случаях военных преступлений. В результате, однако, по мнению Конституционного Суда, это регулирование отходит от того, что «чётко предусмотрено в Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, а также подтверждается заявлением о толковании (*Interpretationserklärung*), которое сделало итальянское правительство при присоединении к Конвенции». В нём, в частности, чётко и определённо исключалось применение Конвенции и предусмотренных в ней пределов действия правила иммунитета в случаях, которые касаются ущерба или нарушений, совершённых на территории государства суда вооружёнными силами».³ Соответственно КС установил, что ст. 3 Закона 2013 года находится в противоречии с основополагающими принципами Конституции и неприкосновенными правами личности (ст. ст. 2 и 24 Конституции). Таким образом, Конституционный Суд признаёт ст. 3 Закона 2013-го года неконституционной, в конечном счёте, путём ссылки на обоснование, данное им при рассмотрении двух первых позиций заявителей, обратившихся с ходатайством о проверке конституционности. Это имеет следствием, что поскольку здесь несоответствие Конституции, иначе, чем относительно ст. 1 Закона 1957-го года, устанавливается без какого-либо ограничения, то это положение утратило законную силу, что значит ничто иное, как то, что решение Международного Суда не имеет значения.

В контексте изложенных Судом соображений относительно Закона 1957-го года эта констатация предстаёт, естественно, только логичной и последовательной, хотя аргумент, связанный с несовместимостью со ст. 3 Конвенции о юрисдикционных иммунитетах, несколько удивляет в том смысле, что Конвенция ещё не вступила в силу. (Согласно ст. 30 Конвенции, для вступления её в действие требовалось 30 ратификаций, в то время как на декабрь 2014-го года насчитывалось лишь 16). Очевидно, Конституционный Суд хотел подкрепить своё решение этим аргументом, что, тем не менее, не выглядит особенно убедительным. Ст. 3 Закона 2013-го года касается исключительно решения Международного Суда от 2012-го года и его исполнения, то есть темы, которая - насколько можно

² Акты парламента, связанные с разработкой этого положения, Atti Camera n. 5434, Commissione Affari Esteri, Заседание от 19-го сентября 2012-го года.

³ Перевод автора статьи, пункт 5.1. решения.

предполагать и надеяться - больше уже не будет актуальна, к моменту вступления в силу Конвенции.

III. Недействительность или ничтожность решения Международного Суда 2012-го года?

Конституционный Суд в мотивировочной части своего решения часто повторяет, что национальные органы не обязаны следовать решению Международного Суда от 2012-го года, рассматривая его вердикт соответственно, как не имеющий значение. При этом КС не объясняет, тем не менее, что это конкретно означает в отношении применения данного решения, так как недопустимо просто игнорировать судебное решение, которое вступило в законную силу. Естественно, и обязательность международных судебных решений имеет определённые границы; в принципе такие решения могут не иметь значения. Однако, это происходит только в случае, если они недействительны или ничтожны. В противном же случае решения имеют законную силу и поэтому являются обязательными, соответственно они подлежат исполнению в духе требований принципа добросовестности и доверия (*nach Treu und Glauben*). Поэтому следует задаться вопросом (что итальянский Конституционный Суд собственно так и не сделал, поскольку речь идёт при этом о вопросе международного права), - является ли рассматриваемое решение Международного Суда недействительным/ничтожным, так как только в этом случае данное решение можно считать не имеющим значение. Недействительность/ничтожность решений международных судов определяется по правилам международного обычного права,⁴ которое знает только четыре констелляции, в которых признается недействительность/ничтожность решения международного суда. Никакая из данных констелляций здесь, тем не менее, не присутствует.

Первым и наиболее важным основанием недействительности/ничтожности международного судебного решения является отсутствие или превышение компетенции. Поскольку компетенция международных судов основывается на принципе согласия, отсутствие согласия сторон процесса - это, бесспорно, причина, которая влечёт за собой недействительность судебного решения. Однако, в случае решения Международного Суда от 2012-го года такое основание отсутствовало, так как соглашение 1957-го года однозначно обосновывало

⁴ K. Oellers-Frahm, *Judicial and Arbitral Decisions, Validity and Nullity*, MPEPIL, online.

компетенцию Суда и принятое решение также не выходило за рамки переданной здесь суду компетенции.

В свою очередь, судебное решение может быть недействительным/ничтожным, если оно, во-вторых, содержит серьёзное правонарушение или исходит из неверных, ошибочных фактов. Однако, это основание недействительности не имеет особого практического значения, так как в случае ошибок, относящихся к фактическим обстоятельствам, сегодня также и в международной юрисдикции уже существуют широкие возможности апелляции, толкования или ревизии. Что касается ошибок в праве, то ввиду широких возможностей истолкования и судьейского усмотрения, до сих пор неизвестен ни один случай, в котором это основание приводилось для обоснования предполагаемой недействительности международного судебного решения.

Хотя в данном случае решение итальянского конституционного суда нужно понимать в том смысле, что здесь имеется в наличии серьёзная ошибка в праве, такая позиция неубедительна. Как Европейский Суд по правам человека,⁵ так и Международный Суд с подробной и никак не необоснованной аргументацией признали юрисдикционный иммунитет государств также в случаях совершения военных преступлений. Можно не разделять эту позицию и придерживаться взгляда, что это правило должно быть изменено, однако неприемлемо утверждать, что два столь авторитетных судебных органа совершили со всей очевидностью настолько серьёзную ошибку в праве, что она может повлечь за собой ничтожность/недействительность решения.

Третье основание для ничтожности/недействительности международного судебного решения - это коррупция члена суда, что в отношении международного Суда ООН можно исключить.

Наконец, в-четвертых, судебное решение может быть недействительным/ничтожным, если обосновывающее компетенцию суда согласие или договор является недействительным. Однако, и эта альтернатива в рассматриваемом случае также не имеет отношения к делу.

Во всех других ситуациях несоблюдение международного судебного решения - это нарушение норм международного права, которое могло бы в свою очередь быть передано на рассмотрение международного суда (что в действительности, однако, не обещает особого успеха, так как отсутствует международный орган, который мог бы обеспечить исполнение соответствующего решения).

⁵ См. сноска 7.

IV. Последствия для Германии в случае вынесения обвинительного решения

Решение Конституционного Суда открывает для суда Флоренции возможность продолжить разбирательства, находящиеся на рассмотрении в суде, – и «приглашает» к тому, чтобы инициировать новые судебные процессы. В принципе материально-правовое положение, как представляется, едва ли говорит в пользу того, что по данному делу возможно вынесение обвинительного решения.⁶ Вместе с тем, не следует исключать, что итальянские суды решат иначе, безоговорочно подтвердив приоритет *императивных норм (ius cogens)* прав человека по отношению к интертемпоральному праву и не учитывая положений в мирных договорах и иных соглашениях, которые окончательно закрыли вопрос о требованиях компенсаций,⁷ и присудят Германию к возмещению ущерба. В этом случае

⁶ Oellers-Frahm, op. cit. сноска 2, FS Simma, с. 1068-1076.

⁷ В статье 77 (4) Мирного Договора от 10-го февраля 1947-го года (Peace Treaty of Paris, 49 UNTS 3) Италия отказалась от всех неурегулированных на 8-ое мая 1945-го года претензий к Германии. Данная норма гласит «4. Без ущерба для вышеизложенных и для любых других постановлений, принятых в пользу Италии и ее граждан Державами, оккупирующими Германию, Италия от своего имени и от имени итальянских граждан отказывается от всех оставшихся неурегулированными на 8 мая 1945 года претензий в отношении Германии и германских граждан, за исключением претензий, вытекающих из контрактов и других обязательств, заключенных до 1 сентября 1939 года, и прав, приобретенных до этой даты. Этот отказ будет рассматриваться как включающий долги, все межправительственные претензии, связанные с соглашениями, заключенными во время войны, и все претензии на возмещение за потери или ущерб, возникшие во время войны. (Unbeschadet dieser und irgendwelcher anderen Anordnungen zugunsten Italiens und italienischer Staatsangehöriger durch die Besatzungsmächte Deutschlands begibt Italien sich in seinem Namen und im Namen italienischer Staatsangehöriger aller Ansprüche gegen Deutschland und deutsche Staatsangehörige, die am 8. Mai 1945 ausstanden, ausgenommen derjenigen aus Verträgen und anderen Verpflichtungen sowie Rechten, die vor dem 1. September 1939 eingegangen bzw. erworben worden sind. Dieser Verzicht soll so verstanden werden, daß er Schulden, alle Ansprüche von Regierung zu Regierung bezüglich im Laufe des Krieges eingegangener Abmachungen und aller Ansprüche auf während des Krieges entstandene Verluste oder Schäden umfaßt.)» В Боннском Соглашении от 2-го июня 1961-го года относительно урегулирования имущественно-правовых, экономических и финансовых вопросов (Vertrag von Bonn vom 2 Juni 1961 zur Regelung vermögensrechtlicher, wirtschaftlicher und finanzieller Fragen (BGBl 1963 II, с. 669)), признавшем за Италией право на компенсации в размере 40 млн. марок ФРГ, в статье 2 абзац 1 устанавливалось, «dass alle Ansprüche und Forderungen der Italienischen Republik oder von italienischen natürlichen oder juristischen Personen, die gegen die Bundesrepublik Deutschland oder gegen deutsche natürliche oder juristische Personen noch schweben, erledigt sind, sofern sie auf Rechte und Tatbestände zurückgehen, die in der Zeit vom 1. September 1939 bis 8. Mai 1945 entstanden sind.»

Германия вправе отказаться исполнять судебное решение, так как оно нарушало бы взятое на себя Италией международно-правовое обязательство по соблюдению решений Международного Суда согласно ст. 94 Устава ООН и правила государственного иммунитета. Соответственно, в случае принятия мер по принудительному исполнению против немецкого имущества, находящегося в Италии, Германия была бы вправе принять соответствующие контрмеры. Контрмеры, раньше известные как репрессалии, согласно международному праву допустимы против нарушений норм международного права другими государствами, поскольку они исключают применение из силы.⁸

Эти возможности, естественно, создают предельно неутешительную ситуацию для двух дружественных наций, которые являются членами Европейского Союза. Это обстоятельство также осознает Конституционный Суд и равным образом обратившийся с запросом к нему суд Флоренции, когда он определённо констатирует, что обращение с запросом к Конституционному Суду «касается исключительно судебной компетенции для решения о предполагаемой обязанности возмещения ущерба, но не о приведении его в исполнение».⁹ Тем самым в очередной раз становится очевидным, что речь идёт по существу о новых переговорах и разбирательствах о дальнейших компенсационных выплатах, о переговорах, которые были начаты ещё до вынесения данного судебного решения, с тем результатом, что это решение не обязательно будет способствовать готовности Германии представить ещё больше выплат.

V. Новое обращение в Международный Суд?

Имеются только очень ограниченные возможности, чтобы в принудительном порядке обеспечить исполнение решений Международного Суда ООН. Устав ООН устанавливает в ст. 94 абз. 2, что в «случае, если какая-либо сторона в деле не выполнит обязательства, возложенного на неё решением Суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности, который может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение». Однако, с этим не связана никакая гарантия, что Совет Безопасности будет действовать: дать рекомендации или, тем более,

⁸ См. Draft Articles on State Responsibility, UN DOC. A/CN.4/L.602/Rev. 1 от 26-го июля 2001-го года.

⁹ Пункт 1, предпоследний абзац решения.

вынести решение о принятии мер находится на его усмотрении,¹⁰ И при этом не будет несущественным, может ли несоблюдение решения Международного Суда иметь серьёзные и значительные последствия на международном уровне или соответственно могут ли мероприятия Совета Безопасности иметь контрапродуктивное действие. Можно предположить, в частности, что в случае спора между двумя дружественными государствами, в котором правительство противоположной стороны, Италии, поддерживает со своей стороны – иначе, чем собственный конституционный суд - соблюдение решения Международного Суда, Совет Безопасности в любом случае рекомендует решать проблему по пути переговоров, (как уже на это намекнул сам Международный Суд в своём решении¹¹). То есть выскажется в пользу меры, которая на момент принятия решения итальянским судом со всей вероятностью уже была приведена в действие.

Другая реакция Германии на решение Конституционного Суда могла бы состоять в новом обращении в Международный Суд ООН. Однако, Международный Суд не компетентен принимать меры по обеспечению своих решений. Германия должна была бы инициировать новое разбирательство в Международном Суде, предметом которого было бы нарушение её прав Италией. Однако, одно только наличие решения Конституционного Суда для этого ещё недостаточно, поскольку противоречащее международному праву постановление национального суда государства не нарушает международное право, если оно не приводится в исполнение.¹² Новую жалобу в МС могли бы обосновать только вынесение итальянскими судами в конкретных случаях обвинительных решений против Германии или соответственно принятие мер по исполнению таких решений. Такая альтернатива представляется не особенно эффективной по той причине, что истинной целью должно быть прекращение разбирательств перед итальянскими судами. Более перспективным, хотя и в свою очередь не лишённым полностью проблемным, было бы обращение с ходатайством о толковании решения

¹⁰ K. Oellers-Frahm, *Souveräne Gleichheit der Staaten in der internationalen gerichtlichen Streitbeilegung? Überlegungen zu Art. 94 Abs. 2 und 27 UN-Charta*, в J.A. Frowein et al. (Hrsg.), *Verhandeln für den Frieden, Liber Amicorum Tono Eitel*, 2003, 169-191.

¹¹ Para. 104 решения гласит: “In coming to this conclusion, the Court is not unaware that the immunity from jurisdiction of Germany in accordance with international law may preclude judicial redress for the Italian nationals concerned. It considers however that the claims arising from the treatment of the Italian military internees referred to in paragraph 99, together with other claims of Italian nationals which have allegedly not been settled – and which formed the basis for the Italian proceedings – would be the subject of further negotiations involving the two States concerned, with a view to resolving the issue.»

¹² K. Doehring, *Völkerrecht*, 2. Auflage 2004, 18.

2012-го года в комбинации с подачей заявления о принятии так называемых временных мер с тем, чтобы достичь возможно более оперативной реакции Международного Суда и напомнить Италии о её правовых обязательствах. Предметом заявления обращения о толковании мог бы быть тезис Международного Суда относительно вопроса новых переговоров между Италией и Германией. С учётом прежней, ещё только очень незначительной практики по рассмотрению обращений о толковании своего рода ориентиром могло бы послужить дело *Avena*.¹³ В нём была подана просьба о толковании относительно того, следует ли возобновление переговоров понимать как обязательство и связано ли с этим в данном случае не только обязанность к переговорам, но и достижение положительного результата.

Прецедент в деле *Avena* открыл бы для Международного Суда возможность, признать ходатайство о толковании – хотя и не без существенных колебаний – допустимым. Соответственно связанное с ходатайством о толковании заявление о принятии временных мер должно было бы быть рассмотрено с вынесением соответствующего решения. Без того, чтобы здесь подробно исследовать данный вопрос, представляется очевидным, что самый большой барьер в случае подачи заявления о принятии временных мер – это аспект неотложной необходимости (*Dringlichkeit*). То есть вопрос, существует ли для Германии в результате несоблюдения решения Международного Суда 2012-го года, или соответственно грозящего осуждения итальянским судом и возможным принятием исполнительных мер угроза наступления «непосредственного и непоправимого ущерба». Тем не менее, более новая практика Международного Суда позволяет выдвинуть предположение – возможно, только чисто умозрительную спекуляцию – что Международный Суд мог принять такое заявление и расширительно интерпретировать аспект «неотложности». А именно – с учётом возобновившихся впоследствии разбирательств в суде Флоренции и связанной с этим потенциальной возможности осуждения Германии к выплате возмещения ущерба, что могло бы привести к значительным политическим напряжённостям и обострению отношений между обоими государствами.

¹³ *Request for Interpretation of the Judgment of 31 March 2004 in the case concerning Avena and other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*, Order of 16 July 2008, ICJ Reports 2008, 311 и далее. В этом деле Мексика ходатайствовала о разъяснении по вопросу о том, является ли решение Международного Суда ООН, которое оставляет на усмотрении США выбор способа проверки обвинительных приговоров, вынесенных без привлечения или соответственно информации компетентных консульских органов, обязательством в отношении достижения результата, «*obligation of result*», то есть обязательством, которое должно вести к позитивному результату.

Но даже если Международный суд отклонил бы заявление о принятии временных мер ввиду отсутствия требуемой «неотложной необходимости», то, как показывает его прежняя практика, он сопроводил бы своё решение указанием на то, что решение 2012-го года является и остаётся обязательным и что Италия должна ему следовать. Разумеется, такое указание, также как и возможное постановление о принятии временных мер, которые являются обязательными, не может служить гарантией того, что Италия тогда будет действовать в соответствии с международным правом. Тем не менее, повторный вердикт Международного Суда, даже если бы Суд просто ограничился бы только указанием на юридическую силу его решения 2012-го года, имел бы, вероятно, существенное влияние на действия Италии. Вряд ли Италия – по меньшей мере, на это хотелось бы надеяться – стала бы ещё больше усугублять «изъян» сознательного нарушения норм международного права по отношению к дружественному государству и партнёру по ЕС, продолжая настаивать на своей нарушающей право линии.

VI. Заключение

Решение итальянского Конституционного Суда представляет собой классический пример проблем, которые вытекают из отношения международного права и национального права. Не останавливаясь здесь более подробно на традиционном учении о монизме и дуализме,¹⁴ можно констатировать, что международное право, естественно, требует, чтобы его нормы и правила соблюдались также во внутреннем праве, но само государство решает, как оно обеспечивает соблюдение и действие международного права во внутреннем праве. Италия ясно урегулировала своё отношение к международному праву и решила вместе с тем для себя, как она согласовывает и приводит в соответствие национальное право и международное право. Конституция определяет в ст. 10, что международное обычное право автоматически без акта имплементации становится частью итальянского правопорядка, и что это право получает ранг конституционных норм. Тем самым Италия связала себя определённым обязательством; она, однако, не может самостоятельно определять содержание того, что составляет обычное право. То, что составляет содержание правила государственного иммунитета,

¹⁴ По данному вопросу см. P.-M. Dupuy, *International Law and Domestic (municipal) Law*, MPEPIL, online; E. Lamarque, *Le relazioni tra l'ordinamento nazionale, sovranazionale e internazionale nella tutela dei diritti*, *Diritto pubblico* 2013, 727-805.

определяется международным правом, и в соответствии со ст. 10 Конституции итальянский правовой порядок согласуется с этим определённым международным правом правилом. Игнорируя это правило Конституционный Суд, нарушает не только международное право, но и итальянскую конституцию.

Относительно международного договорного права конституция определяет в ст. 80, что в целях ратификации международно-правовых договоров требуется принятие парламентом соответствующего закона. Тем не менее, парламент не может влиять на содержание договора; договор может приниматься только в согласованной формулировке или отвергаться. Если он принимается, то он действует в данной формулировке в ранге закона. Также и толкование договора - это не дело государства, а подчинено международно-правовым правилам и осуществляется соответствующими органами. Если конституционный суд считает норму международно-правового договора противоречащей конституции, то Италия может прекратить своё членство в договоре, но не вправе, тем не менее, не соблюдать договор, так как это представляет нарушение международного права.

В заключение хотелось бы остановиться ещё на одном вопросе, заслуживающем внимание, а именно, на вопросе о том, является ли вообще желательным изменение правила иммунитета, которое Италия считает уже действительным. Бесспорно, серьёзные нарушения прав человека не должны оставаться безнаказанными. В настоящее время уже имеется вполне функционирующая система региональной защиты прав человека, и с ЕСПЧ для европейских государств, в том числе и Италии, создан достойный доверия орган защиты, который наказывает нарушения прав человека. Обстоятельства данного дела, однако, затрагивают более широкую тему, так как речь идёт о нарушении прав человека на войне. В конкретном случае решающее значение при этом имеет не тот аспект, в какой мере гуманитарное международное право и право прав человека пересекаются или исключают друг друга.¹⁵ Здесь речь идёт о том, насколько регулирования на индивидуальной основе вообще могут распространяться на санкции за военные преступления. Войны заканчиваются по общему правилу заключением мирного договора, в

¹⁵ R. Kolb, Human rights and humanitarian law, MPEPIL, online; C. Tomuschat, Human rights and international humanitarian law, EJIL 21 (2010), 15-23; K. Oellers-Frahm, Menschenrechte und humanitäres Völkerrecht: Umfang und Grenzen der Zuständigkeit des Europäischen Gerichtshofs für Menschenrechte, в: G. Jochum/W. Fritzemeyer/M. Kau (Hrsg.), Grenzüberschreitendes Recht – Crossing Frontiers, FS Kay Hailbronner, 2013, 491-504.

котором регулируются, прежде всего, вопросы возмещения ущерба, репараций и компенсаций. Очевидно, что при этом «индивидуальная справедливость» не может гарантироваться в полном объёме. На переднем плане стоит, что новая глава может начаться в отношениях между прежними воюющими сторонами, которые хотят оставить за спиной негативное прошлое.¹⁶ Если же окажется возможным (как к этому стремится Италия), чтобы без учёта временных границ и уже выплаченных компенсаций любой участник военных действий, а также его потомки в течение неограниченного срока времени могли в индивидуальном порядке предъявлять иски с требованием возмещения за пережитое беззаконие, то тем самым не только мир ставится под угрозу, но и готовность государств признавать в мирных договорах ответственность за выплату репараций. Эта мысль оправдывает также предположение, что изменение обычно-правового, подтверждённого Международным Судом ООН правила иммунитета является маловероятным. Предпосылки для изменения правила, правового убеждения и общей практики государств не только не созданы, но и само изменение представляются нецелесообразным и неоправданным.

¹⁶ См. C. Tomuschat, *Individual Reparation Claims in Instances of Grave Human Rights Violations: The Position under General International Law*, в: A. Randelzhofer/C. Tomuschat (Hrsg.), *State Responsibility and the Individual*, 1999, 24.